

Наконецъ, какъ и Руссо, Левъ Николаевичъ стяжалъ себѣ славу талантливаго педагога.

Педагогическій геній его я испыталъ на самомъ себѣ. Я помню, какъ онъ совершенно серьезно разсуждалъ со мной обо всѣхъ вопросахъ научныхъ и философскихъ, которые мнѣ только вздумалось ему поставить и, независимо отъ того, въ какомъ я былъ тогда возрастѣ. На все онъ отвѣчалъ просто и ясно и никогда не стѣснялся сказать, что то или другое ему самому непонятно. Бесѣда съ нимъ нерѣдко имѣла характеръ спора, въ который я вступалъ съ нимъ, несмотря на сознаваемую мною огромную разницу между нами. Поэтому легко и пріятно было съ нимъ соглашаться и слѣпо вѣригъ всему, что онъ говорилъ.

Левъ Николаевичъ всегда любилъ дѣтей и ихъ общество. Онъ умѣетъ расположить ихъ себѣ, какъ будто у него есть ключи отъ дѣтскаго сердца, которымъ онъ легко и скоро завладѣваетъ. Никто не придумаетъ съ чѣмъ и какъ обратиться къ чужому ребенку; — Левъ Николаевичъ первымъ вопросомъ какъ будто избавитъ ребенка отъ его застѣнчивости и потомъ обращается съ нимъ свободно. Независимо отъ этого, какъ тонкій психологъ, онъ поразительно угадывалъ дѣтскія мысли. Служалось дѣти его прибѣгутъ и сообщаютъ, что у нихъ есть секретъ. Когда они отказывались сообщить секретъ добровольно, отецъ на ухо отѣрывалъ ребенку его секретъ.

— «Ахъ! этотъ папа! какъ онъ узналъ?!» удивлялись они.

Въ педагогическихъ статьяхъ за 1862 годъ онъ нападаетъ на существующую вездѣ систему принудитель-